

ГАРСИИА ЛОРКА: ТАЙНА СМЕРТИ И ТАЙНА ЛЮБВИ

Смерть страшила его всю жизнь. Он боялся моря, высоты, болезней, старости. Он и писать-то стал ради того, чтобы победить свой страх. И еще чтобы его любили. Впрочем, его и так все любили с детства...

19 августа 1936 года автомобиль отъехал несколько километров от Гранады, миновал селение Виснар и где-то на склоне горы остановился. Рассвет только занимался. Гвардейцы вывели из машины арестованных. Их было двое — старый хромой учитель и молодой мужчина с шейным платком вместо галстука. Старика повели за кусты, и вскоре оттуда раздались выстрелы. Но даже теперь арестант не мог поверить, что и его ожидает такой

Их дом, основательный и величественный, стоял прямо напротив церкви. В детстве Федерико забавлялся тем, что, подражая колокольному звону, стучал железными прутьями по оконным решеткам, и они гудели, как колокола

же конец: война — это политика, а он всего лишь поэт! Но ему приказали идти вверх по тропинке, и он пошел, с трудом переставляя ноги в ветхих стоптанных ботинках. Друзья всегда смеялись над его привычкой снашивать обувь до дыр, а он из суеверия упорно не покупал новую пару, пока у башмаков не отваливались подметки: новая — для покойника. Арестант на секунду замешкался, и гвардеец толкнул его прикладом в спину...

Он родился 5 июня 1898 года в Андалусии, в местечке Фуэнте-Вакерос — Пастуший Источник, недалеко от Гранады, и был первым ребенком зажиточного землевладельца Федерико Гарсиа и сельской учительницы Висенты Лорки. Имя Федерико в семье считалось традиционным: так звали любимого брата дедушки Энрике. Дед дал это имя старшему сыну, а тот в свою очередь назвал так же первенца. Первая жена отца умерла молодой и бездетной, и лишь много лет спустя он женился вторично. Маленький Федерико часто думал о той, которая могла стать его матерью. Мальчик разглядывал ее полудетское лицо на портретах, ее столовое сере-

бро... Душа замирала при мысли о том, что он мог быть совсем другим или... не быть вовсе. В два года от какой-то инфекции умер брат Луис. Потом крестный. Взрослые говорили, что смерть — это избавление от земных печалей, а маленький Федерико никак не мог взять в толк: какие печали, ведь жизнь так прекрасна? Солнце, небо, воздух! Мама за вышиванием, отец на лошади...

У него было обычное деревенское детство: азбука, игры с младшим братом Франсиско, семейные праздники. Вот только верхом он никогда не ездил. Правда, однажды Федерико по настоянию отца все-таки влез на Хардинеру — самое смиренное животное па свете, но кобыла, сколько ее ни понукали, и не подумала тронуться с места. Мать, брат и сестра Конча очень смеялись. Он сам тоже смеялся. Что поделать, если скачкам на лошадях и лазанью по деревьям он предпочитает романы Виктора Гюго?

А еще Федерико был страшным лакомкой, и маме приходилось пря-

рить, он абсолютно верно повторял услышанные мелодии. И заниматься музыкой начал намного раньше, чем писать стихи. Отец купил для сына лучший рояль, какой только мог найти. Игра давалась Федерико легко — в отличие от учебы. На зиму, чтобы дети посещали колледж, семья переезжала в Гранаду. Зубрить то, что Федерико не интересовало (а в изложении учителей становилось еще скучнее), было просто невыносимо. Мрачные холодные классы, жесткий распорядок... Он запомнил, какое испытал отвращение, когда старшие ученики, хихикая и скабрёзничая, подсунули ему порнографические открытки: нагая женская плоть была бесстыдна и ужасна, а разговоры юнцов о ночных похождениях — тошнотворны. От уроков и товарищей он сбегал в старинную мавританскую крепость Альгамбру или в древний квартал Альбайсин — места, более подходящие для романтических переживаний юности.

В университет Федерико поступил исключительно по настоянию

Стянув у матери длинную вязальную спицу, Федерико доставал ею из бутылок пьяную вишню или тугие черные виноградины

тать от него компоты, шоколад и цукаты из айвы, которые готовились дома в огромных количествах. Он же, стянув у матери длинную вязальную спицу, ловко доставал ею из бутылок пьяную вишню или тугие черные виноградины, а засахаренные фрукты таскал из шкафов дядюшек, тетюшек и многочисленных знакомых. Улыбчивого парнишку угощали в каждом доме, куда бы с ним ни заглядывала мать, — общительностью Федерико пошел в свою бабушку Исабель, жену деда Энрике, — как и она, очень любил поболтать.

Их дом, основательный и величественный, стоял прямо напротив церкви. В детстве Федерико забавлялся тем, что, подражая колокольному звону, стучал железными прутьями по оконным решеткам, и они гудели, как колокола. Еще не умея гово-

отца: в 18 лет он уже серьезно увлекся поэзией, а изучаемые в высшей школе предметы не имели к этому никакого отношения. Молодые интеллектуалы собирались в кафе «Аламеда» на площади Кампильо. Облюбованные ими столики стояли под лестницей, ведущей в бильярдную, и свой кружок они окрестили «закоулком». Федерико, хоть и был самым младшим в компании, вскоре стал лидером. Остроумный, полный идей, он отлично играл на рояле и гитаре, пел, да еще, как оказалось, превосходно читал стихи собственного сочинения! Он записывал их на клочках бумаги, рассовывал по карманам, раздаривал, терял. И, как ни странно, почему-то всем сразу внушал любовь. Может, потому, что стремился превзойти не других, а самого себя?

Лорка всегда будет окружен друзь-

ями. Но даже самые близкие из них никогда не узнают о терзающей его тайне. Наверное, оттого, что скрытые драмы обычно мучительно остры и менее всего благопристойны. В 21 год он несколько часов рыдал дома от унижения и отчаяния, узнав, что один из «закоулочников» назвал его гомиком. Он так прятал «позорный недостаток!» Не позволял себе вольностей. В его облике ведь нет ничего женского. У него много друзей среди девушек. Эмилия Льянос Медина, например. Она превосходно поет и танцует. Незнакомка на улице случайно напомнила ему походкой Эмилию, и он написал ей об этом в письме. Эми чудесный друг, и он скучает по ней. Правда, ни одна девушка не может считаться его пассией, да ведь у других и вовсе нет подруг... Что за страсть — непременно залезть в чужую душу с карманным фонарем? Он холодел от ужаса, представляя, что станут про него говорить, если он вдруг когда-нибудь прославится. Отныне Федерико будет оберегать свою личную жизнь. Он никогда не назовет ни одного имени. Никогда не проговорится ни в стихах, ни в письмах.

В 1923 году кое-как — одновременно с младшим братом — Лорка закончил юридический факультет, где он несколько лет только числился студентом. Учеба не дала ни знаний, ни работы. Признание, любовь и... страдание принес Мадрид.

Мадрид! Студенческая Резиденция — центр культурной жизни молодежи. Лорка решает попытаться силы на литературном поприще. Отец сомневается: вряд ли свободная профессия может принести сыну какой-то доход, однако в деньгах не отказывает. А Лорке везет — в Мадриде в один из первых вечеров он случайно познакомился с директором театра «Эслава», и тот, услышав, как юноша читает свои стихи, заказывает ему пьесу. «Колдовство бабочки» с треском провалилось на первом же представлении, но Федерико не унывает: многие маститые драматурги мечтали увидеть свои пьесы на сцене этого театра, пусть даже и освистанными. В ресторане поэт с друзьями с размахом отметили знаменательный провал.

Встречи, спектакли, концерты, вечеринки... Однажды на выставке картин уругвайца Баррадаса Лорка за-

Федерико, хоть и был самым младшим в компании, вскоре стал лидером. Остроумный, полный идей, он отлично играл на рояле и гитаре, пел, да еще, как оказалось, превосходно читал стихи собственного сочинения

метил экстравагантного молодого человека: худой, долговязый, волосы спадают на воротник, на голове бархатный берет. Вдобавок длиннополый, до колен, сюртук, гетры и огромный бант на шее. Сальвадор Дали приехал из Каталонии и только что поступил в Академию изящных искусств. Лорка заговорил с юношей, однако сначала тот отвечал односложно, явно смущаясь. Но стоило Федерико спросить, успел ли он побывать в Толедо, как Сальвадор вдруг оживился и крепко схватил его за руку. «Эль Греко! — выдохнул он. — Когда я впервые очутился перед «Похоронами графа Оргаса», у меня кровь свернулась в жилах, и я грохнулся на плиты, как камень». Он и сейчас по-

бледнел, говоря это. Федерико смотрел на чудака с удивлением. С выставки они ушли приятелями. Так началась эта странная дружба, замешанная на самых различных чувствах: дружба-вражда, дружба-любовь, дружба-ненависть.

Лорка был на шесть лет старше Дали, но у них оказалось много общего. Оба любили поэзию и Францию, оба рисовали, сочиняли стихи, восторгались народными испанскими песнями. И в то же время трудно было найти столь несхожих и внешне, и по характеру друзей: плотный нескладный Лорка, выдумщик, душа любой компании, всеобщий любимец, и мрачный худой красавец Дали, высокомерный, презрительный,

с раздумьем честолюбием гения. Каждый скрывал свою тайну, один — за маской беспечного весельчака, другой — за эпатажем. Однако они дружили, подбивая друг друга на самые рискованные выходки. Чаше всего это было вызвано безденежьем, когда их отцы, будто сговорившись, вдруг снимали сыновей с довольствия. Как-то Дали и Лорка сыграли злую шутку с четой южноамериканских дипломатов. Уговорив супругов на покупку картины Дали, они назначили встречу в лучшей кондитерской Мадрида — у Ларди. Заказали большой поднос сладостей и пили чай, нахваливая картину. Но дипломаты, накануне почти решившись на приобретение невиданного авангарда, почему-то даже не заикались о сделке. Прошел час, другой, Лорка исчерпал весь запас андалусских анекдотов, наконец терпение его лопнуло. Он предложил показать заокеанским гостям фокус, попросив для этого две купюры. «Не найдется ли у вас в кошельке пары бумажек по пять дуро?» — обратился он к мужу. «Отлично, — улыбнулся Федерико, беря деньги. — Теперь смотрите внимательно: вот эта — для Сальвадора, а

сколько дней. Все попытки разыскать его были тщетны. Вернувшись, он плел какие-то небылицы, и тогда на помощь приходил Федерико: «Да отстаньте от него, могут же у человека быть свои секреты!», не догадываясь, что причиной исчезновений друга был не кто иной, как он сам. Спрятавшись от людей в какой-нибудь загородной гостинице, Сальвадор пытался победить ревность к неоспоримому лидерству Лорки. Когда-то в Толедо, перед картиной Эль Греко, Дали мучился ощущением своего ничтожества перед гением, внезапной нестерпимой ненавистью к нему. И вот теперь сходное чувство накатывало порой на Сальвадора по отношению к другу: глухая злоба захлестывала, и он бежал, прятался, бесконечное число раз рисовал лицо Федерико на бумаге — непременно уродливым и жалким, разбрасывал рисунки по полу и ходил, будто не замечая их. А потом, успокоившись, возвращался.

Ведь он любил Федерико, восхищался им, как все вокруг, но с ужасом замечал, что дружеские чувства перерастают в нечто большее. Он сопротивлялся мысли, что похож на Лорку

Иногда Сальвадор исчезал на несколько дней. Все попытки разыскать его были тщетны. Вернувшись, он плел какие-то небылицы

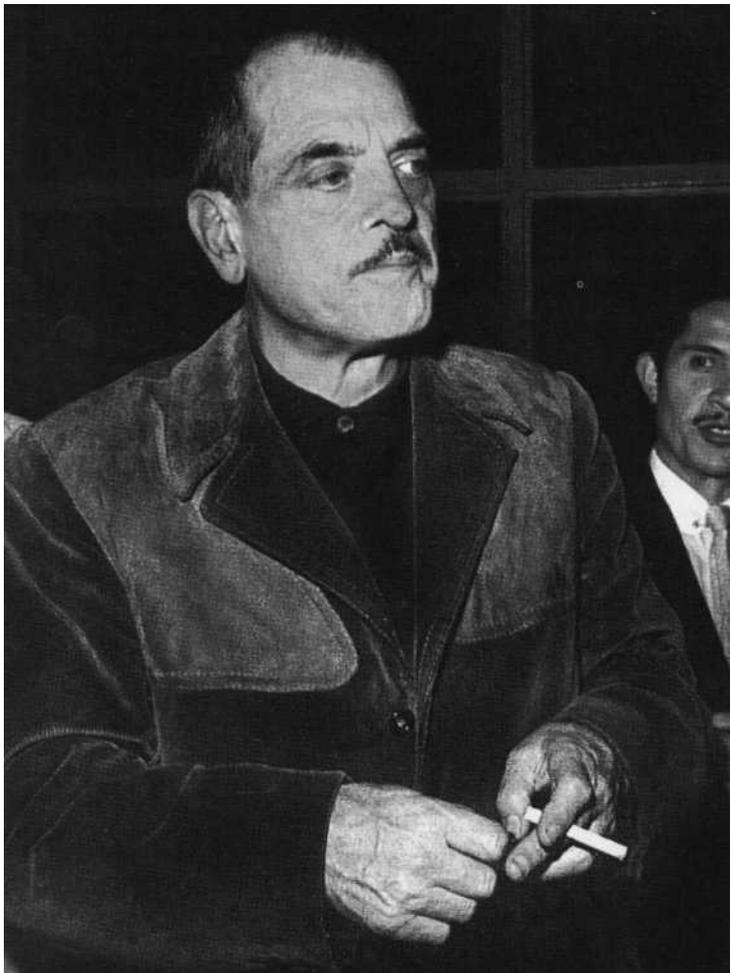
эта — для меня. Раз, два, три!» Купюры исчезли в карманах друзей, а Федерико добавил: «Пошли отсюда скорее, Сальвадор, мы и так потеряли столько времени с этими козлами». Дипломаты подали жалобу главе Резиденции, скандал удалось замять с большим трудом.

В другой раз они превратили комнату Федерико в «пустыню»: поставили в центре палатку, широко распахнули окно и три дня громко призывали всех проходивших мимо дома помочь несчастным, умирающим от жажды и голода. За это их чуть не выселили из Резиденции. Инициатором, разумеется, был Федерико.

Иногда в разгар дружеской пирушки Сальвадор исчезал на не-

в своих пристрастиях, поверяя свои тайные желания лишь бумаге. С начала 20-х годов, то есть со времени их знакомства, образ друга появляется на всех картинах Дали, вытесняя его первую натуру — сестру. Рядом он пишет себя. Их головы соприкасаются, будто в поцелуе...

На пасхальные каникулы 1925 года Дали пригласил Лорку в Кадакес — рыбацкий поселок, где его семья обычно проводила лето. Молодые люди приехали к обеду. Никто потом не мог вспомнить, о чем же тогда говорили за столом, но смех звучал не смолкая. К десерту и отцу, и сестре Сальвадора Ане Марии казалось, будто они знают Лорку всю жизнь. Кофе подали на террасе в тени эвкалип-

Лорка порывает с Буноэлем: тот вместе с Дали снял сюрреалистический фильм «Андалусский пес», и в неприглядном герое картины поэт узнал себя

верности и предательстве. Его голос всегда неотразимо действовал на слушателей: глуховатый, чувственный, он проникал в самое сердце. Лорка был прирожденным рассказчиком. Отец Сальвадора слушал с бесхитростным удивлением — он не ожидал такой глубинной тоски от весельчака-поэта. А Ана Мария, едва Федерико закончил чтение, выбежала из столовой, чтобы никто не увидел ее слез. В тот вечер она поняла, что безумно влюбилась.

Летом 1927 года Лорка опять приехал в Кадакес с Сальвадором на целых три месяца. В это время в Барселоне уже шла, и с большим успехом, премьера его пьесы «Мариана Пинэда» с великолепными декорациями Дали. Лорка впервые выходил на аплодисменты.

По утрам Сальвадор запирался у себя в мастерской на чердаке, отец возился в саду, а Федерико бродил по окрестностям. Ану Марию почему-то трогало то, что Федерико панически боялся моря. Когда брат и сестра уплывали далеко вдвоем, он, оставшись один на берегу, даже не подходил к воде. Зайти в прибой на полшага он соглашался, только держась за руку Аны Марии.

В то лето компания довольно часто бывала на мысе Креус и в Туделе. В это пустынное место добраться можно было только морем, и, превозмогая страх, Федерико садился с Сальвадором и Аной Марией в лодку. Но Боже, какая это была мука! При одном взгляде на воду у него кружилась голова, ему казалось, что лодка вот-вот перевернется и все потонут. Обедали прямо на берегу, отдыхали во время сиесты в пещере. Затем до вечера бродили среди скал и возвращались в Кадакес в сумерках. Выходя на берег, Федерико переводил дух и говорил обычно одно и то же: «Съездить в Туделу — не пустяк! Одна обратная дорога чего стоит — то буря, то ураган, такого страху натерпишься!» Дали с сестрой хохотали: на море были тишь да гладь, и Ана Мария думала, что впереди у них с Федерико целая жизнь...

тов... Ана Мария украдкой разглядывала гостя. Сальвадор называет его гением. А он так прост в общении! Ни сатанинской гордыни, ни самовлюбленности, как у ее обожаемого брата. Широкое, почти квадратное лицо Федерико с россыпью родинок

тиночки и вечно таскает с собой, даже на прогулки. Федерико и относится к ней как к ребенку: прячет медвежонка, оставляет записочки под камнями на берегу. Синь неба здесь сливается с лазурью моря. И она, словно впервые, увидела вдруг эту по-биб-

Лорка смотрел на горящие огни Гранады и знал, что она пуста, пуста для него навеки... Он даже желал — впервые в жизни, — чтобы сердце его остановилось

проигрывает точеную профилю Сальвадора, но почему ей все время хочется на него смотреть? Ане 17 лет — по тем временам это скорее детство, чем юность. Она еще играет с плюшевым медвежонком: сшила ему передничек, смастерила шляпу, бо-

лейски живописную природу восхищенными глазами Федерико.

Как-то вечером Сальвадор объявил, что друг недавно закончил пьесу в стихах — «Мариана Пинэда» — и может ее прочесть. Зажгли свечи, и Федерико начал рассказ о любви,

Он писал ей письма, она отвечала. Любое его послание всегда было подарком. Лорка тщательно подбирал цветную бумагу, чернила в тон и конверт с загадочными водяными знаками. Украшал письмо рисунками и старательно, на всю страницу, выписывал хвостик от первой буквы обращения «Кукушке морской от филина морского Федерико». Он был нежен, и Ана Мария думала — только с ней.

Его успех как драматурга принес наконец долгожданную финансовую независимость, но временами его веселые глаза наполнялись тоской, его терзало чувство, которое он

Едва Федерико закончил чтение, Ана Мария выбежала из столовой, чтобы никто не увидел ее слез. В тот вечер она поняла, что безумно влюбилась

был не в силах подавить. Лорка вновь попытался объяснить с Дали. А потом писал: «Я вел себя как неприличный осел с тобой — лучшим, что у меня есть. С каждой минутой я понимаю это все яснее и очень обо всем жалею». Дали же незамедлительно поведал о разговоре общему другу Луису Бунюэлю. Тот в возмущении писал приятелю: «Бесчестный Гарсиа! Надо оградить Сальвадора от его влияния. Дали — настоящий муж-

чина и очень талантлив». А между тем «настоящий мужчина», обуреваемый кучей фрейдистских комплексов, боясь собственной несостоятельности, оставался девственником вплоть до 1929 года, пока не встретился с Галой, женой Поля Элюара...

Впрочем, вмешательства Бунюэля не потребовалось — друзья расстались, и Лорка никогда не говорил почему. Лето и осень 1928 года в яркой солнечной Гранаде окрашены для него в самые мрачные тона. Федерико спасала работа и переписка с друзьями. У него выходит сборник стихов «Цыганское романсеро» —

страстная и горестная книга, на которую Дали присылает резкий отзыв, написанный, видно, не без влияния Бунюэля. В это же время Лорка порывает с Бунюэлем: тот вместе с Дали снял сюрреалистический фильм «Андалусский пес», и в неприглядном герое картины Лорка узнал себя. Правда, Бунюэль отрицал сходство, но дружбе пришел конец, их пути разошлись, и можно представить себе, каково было Лорке, ценившему

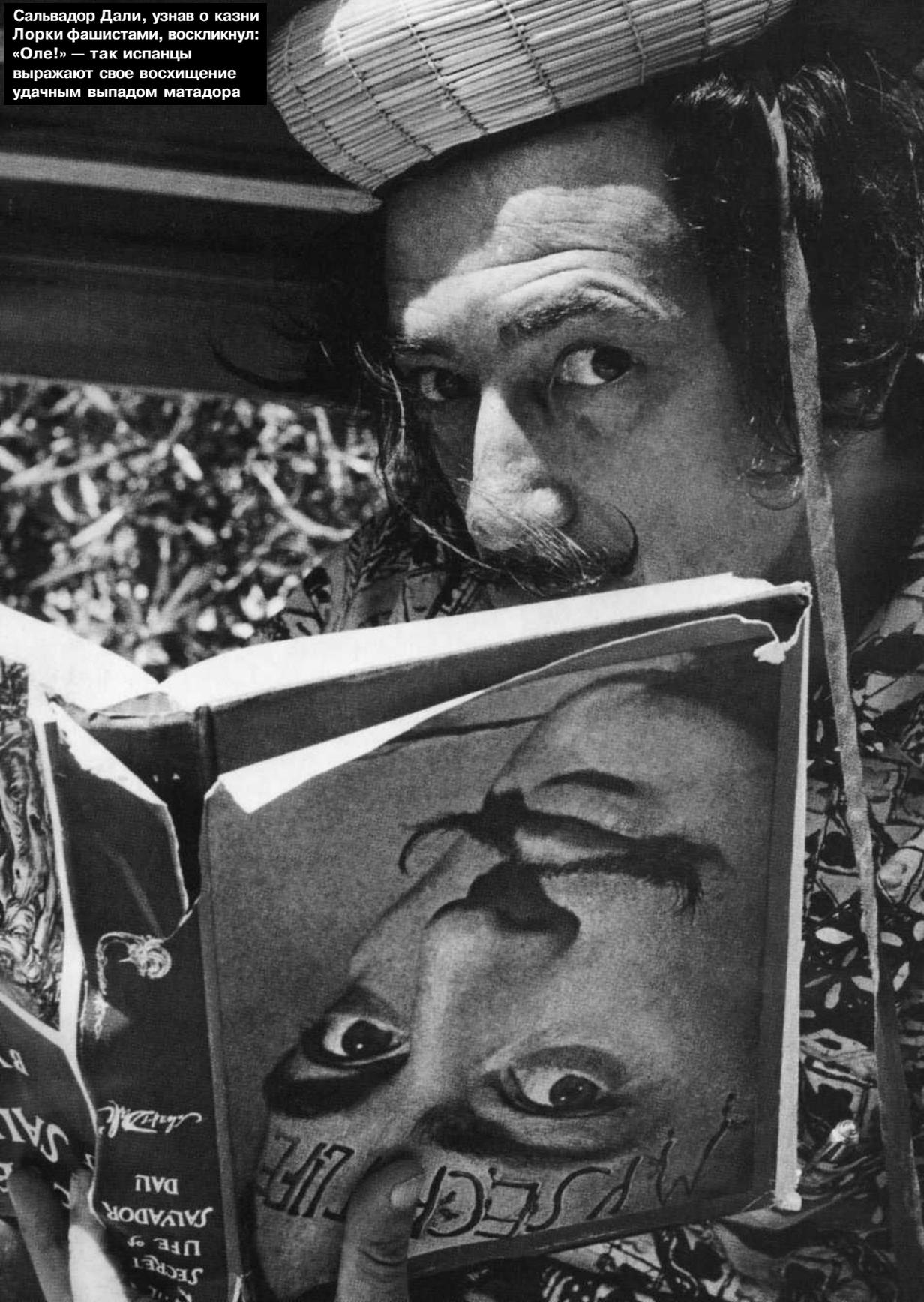
дружбу превыше всего! Он каждую ночь смотрел с балкона на горящие огни Гранады и знал, что она пуста, пуста для него навеки. Он даже желал — впервые в жизни, — чтобы сердце его остановилось.

Но Лорка пережил ту страшную зиму, а следующей весной отправился в путешествие по Америке, и оно исцелило его. Вернувшись, он создает студенческий театр «Ла Баррака» — «Балаган». Четыре грузовика кочуют по всей Испании, возят разборную сцену, декорации и труппу из 30 человек. Все молодые и одержимы театром. Федерико кажется, что он нашел любовь...

Осенью 1935 года в Барселоне Лорка снова встретился с Дали, и, забыв о размолвке, они сбежали в Тарагону. Федерико даже не предупредил зрителей, собравшихся на концерт в его честь. Друзья не виделись семь лет, но их мнения во всем совпадали, будто они не расставались. Федерико был так рад встрече, что его восторг распространился и на Галу (он познакомился с ней только сейчас). Когда-то, узнав, что Сальвадор нашел женщину своей мечты, он не мог в это поверить. Теперь же смирился — поистине необыкновенна та женщина, которая не только увлекла Дали, но и смогла его удержать...

Тогда же, в сентябре, Федерико увиделся и с Аной Марией. Девушка пришла в театр на его пьесу «Йерма». Вечером после спектакля они сидели в кафе, и Ане Марии казалось, что между нею и Федерико есть что-то ус-

Сальвадор Дали, узнав о казни Лорки фашистами, воскликнул: «Оле!» — так испанцы выражают свое восхищение удачным выпадом матадора

В первую годовщину смерти Лорки Эмилия Льянос Медина была единственной, кто принес цветы на место гибели поэта

кользающее от понимания, какая-то таинственная, призрачная нить.

В июле 1936 года перед отъездом в Гранаду Лорку переполняли дурные предчувствия. Ему так не хотелось покидать Мадрид. Но 18-е — день их

с отцом именин. В этот раз не будет ни брата Франсиско, ни сестры. Если и он не придет, отец расстроится. Он еще не знает, что 17 июля в Марокко и на Канарских островах армия генерала Франко восстанет про-

тив правительства и через два дня беззащитная Гранада упадет в руки мятежников, как спелый гранат, раскальваясь и истекая кровью. Федерико появился в родительской усадьбе Сан-Висенте накануне праздника.

...«Захват власти, — инструктирует подчиненных майор Вальдес, назначенный губернатором города, — это лишь первый этап. Для укрепления порядка необходимо провести «чистки»: убрать всех коммунистов, социалистов, анархистов, республиканцев, членов профсоюзов, гнилую интеллигенцию, евреев и извращенцев». Составляются списки: кого в первую очередь, кого во вторую, в третью... Вооруженные солдаты врываются в дома, одних берут на заметку, других увозят «на прогулку», как теперь говорят горожане, — каждое утро на рассвете сухой треск выстрелов слышен со стороны кладбища Серро дель Соль.

Лорка получает письмо с угрозами, в их дом дважды вламываются молодчики, поэта избивают. Чтобы оградить Федерико от оскорблений,

Свернувшись на полу калачиком, Лорка провалился в сон. Его разбудили ударом приклада в бок, вывели во двор и затолкали в автомобиль

семья решает спрятать его у знакомых. Правда, братья Росалес — сторонники Франко, но младший, Луис, молодой поэт, очень предан Лорке. Кто же станет искать «неблагонадежного» в доме сторонников нового режима? Лорка скрывался у Росалесов чуть больше недели. Но 16 августа, в пятом часу пополудни, за ним все-таки пришли. Отвели в управление гражданского губернатора и поместили в обычную казенную комнату: стол, стул, ни кровати, ни решеток на окнах. Федерико даже успокоился — ведь это не тюрьма. За дверью, правда, вооруженные охранники, но скоро выяснится, что его арестовали по ошибке. Да, он подписывал манифест Народного фронта и Всемирного союза мира, кому-то не нравились его стихи об испанской жандармерии, у него есть друзья-коммунисты — вот и все его «грехи». Сам-то он не принадлежит ни к одной политической партии. За что же его судить? За его «недостаток»? За это, пожалуй, могут отправить в концлагерь... Свернувшись на полу

калачиком, Лорка наконец провалился в сон. Его разбудили ударом приклада в бок, во дворе затолкали в обычный легковой автомобиль вместе с дрожащим стариком. Федерико всю дорогу улыбался, вертелся, без умолку говорил о каком-то театре, словно его и впрямь везли на прогулку.

...Небо на востоке стало совсем светлым. Арестанту с платком на шее приказали остановиться. О чем он думал в последние минуты? О том, что напрасно боялся смерти? Или о том, что тайна любви глубже тайны смерти? В спину впивались пуля за пулей, а он вставал, пытаясь что-то сказать, пока не замер, вцепившись руками в родную землю...

Его тело вместе с другими закопали в овраге среди олив.

В первую годовщину смерти Лор-

ки Эмилия Льянос Медина была единственной, кто принес цветы на место гибели поэта. Ее арестовали, затем отпустили. Женщина приходила туда каждый год, и ее арестовывали снова и снова. Она не вышла замуж и спустя тридцать лет все еще плакала, перебирая несколько его писем.

Сальвадор Дали, узнав о казни Лорки фашистами, воскликнул: «Оле!» — так испанцы выражают свое восхищение удачным выпадом матадора. И уехал в Нью-Йорк... писать портрет важного франкистского чиновника. Два последних года своей жизни он постоянно рыдал, с трудом говорил и только одну фразу произносил внятно: «Мой друг Лорка».

Ана Мария Дали всю жизнь провела в одиночестве в Кадакесе. С 1937 года она не хотела встречаться с братом, так и не простив ему обид, вольно или невольно нанесенных Федерико. Она не пришла даже на похороны в соседний городок Фигерас, где Сальвадор Дали умер в 1989 году.

Мария Некрасова